

Тверского княжества, обнаруживает явное сочувствие к тверским боярам, „изобитенным“, по словам летописи, „московскими детьми боярскими“.¹ В Московском своде рассказ о присоединении Твери носит явно официальный характер; правда, Уваровский список Московского свода сохранил это известие не полностью — под 1485 годом (от конца 6992 до середины 6994) в этом своде обнаруживается большой пропуск,² но в совпадающих с ним списках Погод. 1409 и Беляевском (как и в более поздних официальных летописях) мы читаем обвинение последнего тверского великого князя в „неправде“ (за сношения с Литвой); тверские бояре и князья именуются здесь „кормольниками“.³

Не менее интересно сопоставить изложение вопросов внешней политики в сводах конца XV века. После падения татарского ига борьба за Казань стала одним из основных вопросов русской восточной политики. Борьба эта шла с переменным успехом. Довольно неопределенными были, например, результаты большого похода 1482 года. О походе этом мы знаем только из неофициальных летописей. Они сообщают, что в походе участвовала даже артиллерия, руководимая известным Аристотелем Фиоравенти, но в конце концов Иван III „увернулся из Володимира, а судная рать ходила мало не до Казани, и умирился“.⁴ Московский свод и вслед за ним более поздние официальные летописи предпочитают вовсе не упоминать об этом событии. „Того же лета был князь великий Иван Васильевич в Владимире“ — вот все, что узнаем из этого свода.⁵ Зато о бесспорной удаче 1487 года — взятии Казани и возведении на ханский престол русского ставленника мы читаем здесь пространный и исполненный торжества отчет.⁶

Но особенно ярко обнаруживаются тенденции Московского свода и неофициального летописания при сравнении известия о взятии в 1483/84 году Киева союзником Ивана III — Менгли-Гиреем. Если для неофициальной, но не враждебной великокняжеской власти летописи (Типографская) поход Менгли-Гирея это — „злоба“, „грех ради наших“, которую летописец со своей христианской точки зрения горько оплакивает, но тайных пружин которой он не знает или не хочет знать, если промитрополичий свод (Софийская II—Львовская летописи) прямо возлагает вину за „пакости“ Менгли-Гирея на великого князя („князь же великий... повеле воевати королеву землю“), то Московский свод, не скрывая, что Менгли-Гирей пошел „по повелению“ Ивана III, полностью оправдывает это мероприятие. Перед нами — несомненно официальная точка зрения.⁷

Отмеченные нами официальные тенденции Московского свода за 1479 и последующие годы помогают понять и политический смысл одного из самых крупных летописных рассказов этого периода — рассказа о „стоянии на Угре“, читающегося в Московском своде под 6988—6989 (1480) годом. Рассказ этот — единственный случай совпадения Московского свода с неофициальным сводом, отразившимся в Типо-

¹ ПСРЛ, VI, стр. 237; XX, стр. 352.

² ПСРЛ, XXV, стр. 330.

³ Погод. 1409, л. 132 об.

⁴ ПСРЛ, VI, стр. 234; XX, стр. 349; XXIV, стр. 202. Ср. также: Устюжский летописный свод, стр. 94.

⁵ ПСРЛ, XXV, стр. 329; Погод. 1409, л. 129.

⁶ ПСРЛ, XXV, стр. 331; Погод. 1409, л. 133—133 об.

⁷ ПСРЛ, XXIV, стр. 202; VI, стр. 234; XX, стр. 349 (наряду с этим в обеих летописях читается рассказ, заимствованный из Типографской); XXV, стр. 330; Погод. 1409, л. 131. Ср. ниже, стр. 184.